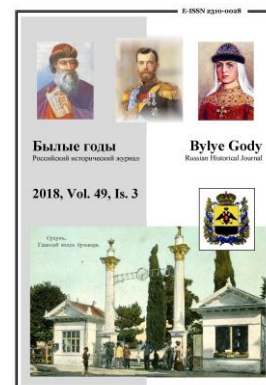

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1258-1269. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1258
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"We Have Not Done Anything": The First Stage of Work on the Official History of the Don Cossacks (1902-1908)

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the realization of the all-Russian project of the official history of the Cossacks in 1902-1908 on the Don. The author shows that this project, which is considered unsuccessful and which is almost forgotten, in fact allowed the creation of books that have become regional scientific classics. But it did not happen on the Don. The main obstacle for the study was the necessary for preparatory work to collect historical sources. The note "About the Organization of Historical Works in Cossack Hosts" required such work, but it was not clearly regulated in this document. As a result, I.P. Popov, who was originally charged for writing the Don history, and a commission of members of the Don statistical committee, which tried to draw up a work plan later, failed to effectively organize the collection and systematization of documents. And in 1908 the general meeting of the committee decided to attract professional historians for this work. It referred to the fact that nothing had been done at last six years. The author comes to the conclusion that, despite all the shortcomings of the government project, it created certain prerequisites for writing the first full-fledged history of the Don army, but these premises were missed because of mistakes by the local administration and those amateur historians who were involved in her work.

Keywords: problems of historiography of the beginning of XX century, the Don Host, official history of the Cossacks, P. O. Scherbov-Nefedovich, K.K. Maksimovich, I.P. Popov.

1. Введение

В последние годы интерес донских историков неоднократно привлекала попытка написания официальной истории казачества, предпринятая Военным министерством в 1899–1912 гг. Вероятно, первым обратил на нее внимание А.А. Волвенко, посвятивший данной тематике статью «Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.)» (Волвенко, 2006). Как мы недавно узнали, в 2014 г. вышла еще одна небольшая заметка на этот счет – «Новые факты о составлении «Истории донского казачьего войска за 1812–1815 гг.» З.А. Чумаковой (Чумакова, 2014). Оба этих исследования представляют безусловный интерес, однако в них наиболее подробно раскрыты последние этапы работ, начиная с 1908 г. Между тем решение о создании официальной истории казачества датируется 1899 г., когда военный министр А.Н. Куропаткин отдал соответствующее распоряжение Главному управлению казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1). В настоящее время в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» готовится к печати наша статья о том, как в 1899–1902 гг. в Санкт-Петербурге создавалась общая программа для официальной истории казачества и разрешались (нужно сказать, очень неудачно) общие организационные вопросы. Однако остается непроясненным, как в рамках правительственного проекта продвигалось исследование прошлого донского казачества в период 1902–1908 гг., когда подготовленная в Военном министерстве программа реализовывалась уже на

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

Дону. И А.А. Волвенко, и З.А. Чумакова в своих статьях ограничиваются простым упоминанием того, что в 1904 г. работы по составлению истории донского казачьего войска были возложены на секретаря местного статистического комитета И.П. Попова, который умер в 1906 г. (Волвенко, 2006: 118; Чумакова, 2014: 213). Но почему И.П. Попов получил это задание только в 1904 г., более чем через год после того, как Главное управление казачьих войск распорядилось начать исторические исследования? Почему после его смерти другое лицо для ведения этих исследований начали искать снова более чем через год, в 1908 г.? Наконец, почему наработки И.П. Попова по правительственному проекту оказались не востребованы?

Чтобы получить ответы на эти вопросы мы обратились к материалам Государственного архива Ростовской области (далее ГАРО). Из них мы обнаружили, что в предыдущих статьях нами была допущена серьезная ошибка: мы полностью доверились утверждению А.А. Волвенко о «неудаче, которой завершилась попытка написать официальную историю казачьих войск» (Волвенко, 2006: 124). Но в материалах, связанных с деятельностью И.П. Попова, обнаружились ссылки на позитивный опыт Кубанского и Терского войск (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 306). Продолжив изыскания в данном направлении, мы поняли, что две известнейших работы, «Два века Терского казачества» В.А. Потто и «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины, формально представляли собой как раз официальные истории этих войск, заказанные Военным министерством. Таким образом, попытка написать официальную историю казачества способствовала появлению классических текстов о его прошлом, хотя, как мы покажем ниже, книги В.А. Потто и Ф.А. Щербины и не стали в итоге частями единого правительственного проекта. Нам показалось, что сравнение опыта трех различных казачьих войск в деле написания их истории также будет очень интересным и позволит понять, почему именно на Дону работы продвигались хуже всего.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования будут два дела, хранящиеся в фонде известного донского краеведа Х.И. Попова в ГАРО. Первое из этих дел, в котором отражена собственно работа И.П. Попова над официальной историей донского казачества, несколько многоречиво называется «Копии распоряжений Военного министерства о составлении очерков по истории казачьих войск и сообщения войскового наказного атамана о поручении бывшему секретарю статистического комитета И.П. Попову собирания материалов и составления истории войска Донского; программа, составленная И.П. Поповым» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442). Второе дело содержит информацию о событиях, последовавших после смерти И.П. Попова, и носит название «Доклад членов Областного статистического комитета о ходе работ по собиранию материалов для составления «Истории Войска Донского»» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631). Большое значение для нашего исследования будет иметь также биографический очерк о И.П. Попове, составленный вскоре после его смерти его коллегой А.А. Кирилловым (Кириллов, 1907). Наконец, ход работ в других казачьих войсках описан как в предисловиях к первым изданиям «Двух веков Терского казачества» В.А. Потто (Потто, 1912) и «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины (Щербина, 1910: I-IV), так и в исследованиях современных авторов, из которых мы бы выделили статью В.К. Чумаченко «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины: от замысла к воплощению. Книговедческий аспект» (Чумаченко, 2004).

Поскольку оба упомянутых нами выше дела впервые вовлекаются в научный оборот, мы будем широко применять историко-описательный метод, уточняя, как на самом деле шли работы над официальной историей донского казачества в 1902–1908 гг. Историко-сравнительный метод будет использоваться нами при сопоставлении хода работ над официальными историями в различных казачьих войсках, а историко-биографический метод потребуется для характеристики личности И.П. Попова.

3. Обсуждение

19 ноября 1902 г. начальник Главного управления казачьих войск П.О. Щербов-Нефедович обратился к атаману Войска Донского К.К. Максимовичу со служебной запиской «Об организации исторических работ в казачьих войсках» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 9). Как следует уже из названия, данный документ был разослан во все казачьи войска и должен был стать основополагающим для правительственного проекта. В принципе, он почти полностью соответствовал «Докладу военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России», подготовленному в том же 1902 г. историком-любителем, генерал-лейтенантом Н.А. Маслаковцом (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4), однако крайне многоречивый и водянистый текст данного доклада был максимально ужат и сокращен. Как и предлагал Н.А. Маслаковец (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3706-38), в качестве обязательных к освещению были предложены следующие вопросы:

- «1) Казачество как колонизатор;
- 2) Казачество как охранитель государственных границ;
- 3) Казачество как охранитель православной веры;
- 4) Казачество как вооруженная сила» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 906-10).

Было выделено, также в полном соответствии с «Докладом военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России» (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 39-390б), семь дополнительных вопросов, не обязательных, но рекомендуемых к изучению:

- «1) Самобытно ли развилось казачье войско или образовалось по распоряжению правительства;
- 2) Однороден ли племенной состав казачьего войска;
- 3) Чем обуславливалось обложение казачьего войска государственными повинностями;
- 4) Чем обуславливалось образование одного, двух или трех родов оружия в каждом войске;
- 5) Чем обуславливался порядок землевладения;
- 6) Чем обуславливалось образование отдельных казачьих областей или включение территории казачьего войска в состав губернии;
- 7) Чем обуславливалось распространение на казачье население новых правительственных или местных хозяйственных учреждений» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б-10).

Наконец, было принято и предложение Н.А. Маслаковца о том, что общая программа официальной истории казачьих войск должна быть составлена так, чтобы «избежать излишней регламентации в плане работ» и «стеснения производителей трудов этих» (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 10). В записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» значилось дословно следующее: «составители исторических исследований при подробной разработке программы (истории своего казачьего войска – А.П.) отнюдь не должны стесняться перечисленными вопросами, ибо в каждом казачьем войске при разработке программы, несомненно, могут возникнуть, сообразно местным условиям, и другие вопросы, да и наименованные вопросы могут разрешиться далеко не одинаково в каждом из войск в отдельности» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 10-100б). А как раз разработка программы для истории Донского Войска должна была стать приоритетной задачей К.К. Максимовича: ему вменялось в обязанность найти какого-то исследователя, чтобы тот «безотлагательно приступил к составлению программы, которая должна быть представлена на усмотрение военного министра» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б). Пожалуй, только тут П.О. Щербов-Нефедович несколько скорректировал идеи Н.А. Маслаковца. Именно последний предложил, чтобы история каждого казачьего войска писалась в самом этом войске лицом, избранным атаманом, а не в Главном управлении казачьих войск, как предполагалось изначально (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-3, 41). Однако Н.А. Маслаковец требовал еще больше сократить роль центральных органов в написании официальной истории казачества, сведя ее к утверждению лиц, предложенных атаманами для проведения исследований, и представлению этим лицам «общих руководящих начал и указаний по исполнению работ» (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 41). П.О. Щербов-Нефедович, как мы видим, счел за лучшее несколько подстраховаться и потребовать от избранных атаманами историков хотя бы представить на утверждение программу предполагаемых исследований. Кроме того, начальник Главного управления казачьих войск, изначально бывший сторонником масштабных подготовительных работ по сбору материалов для истории казачества, против чего выступали Военный Совет и Н.А. Маслаковец (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2-20б; 6-9), включил в записку «Об организации исторических работ в казачьих войсках» требование, отсутствовавшее в «Докладе военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России», о том, чтобы на местах безотлагательно приступили не только к составлению программ для своих текстов, но и к поиску соответствующих архивных и опубликованных материалов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б). Как мы покажем ниже, здесь П.О. Щербов-Нефедович допустил серьезную ошибку: во-первых, он не упомянул о том, что споры о необходимости подготовительных работ уже велись в Военном министерстве, причем в итоге было принято решение подобные работы максимально сократить, а во-вторых, он не уточнил, как должны будут соотноситься подготовительные и основные работы в ходе написания историй отдельных казачьих войск. Все это в итоге породило серьезную неразбериху, замедлившую написание историй Терского и Кубанского войск и ставшую фатальной для истории донского казачества.

Обратим внимание на еще один важный момент. В записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» не были четко прописаны критерии выбора авторов для историй отдельных казачьих войск, не регламентировались и сроки работ, а вопрос об их оплате был отдан на откуп самим атаманам, которые должны были изложить свои мнения на этот счет Военному Совету напрямую, в обход Главного управления казачьих войск (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б). Вообще эта записка была крайне невелика по объему, и выше мы пересказали ее содержание фактически полностью. Однако это было связано с теми организационными ошибками, которые были допущены на предыдущем этапе работ, прежде всего с решением Н.А. Маслаковца «не стеснять» производителей исследований на местах. Как нам кажется, правительственный проект был уже обречен к этому времени, и в лучшем случае Военное министерство могло получить в итоге набор случайных книг по истории казачества, не связанных ни идейно, ни содержательно. Однако в рамках данной статьи нас интересует не столько правительственный проект в целом, сколько то, как велись работы по нему в отдельных казачьих войсках, и поэтому мы не будем подробно останавливаться на событиях, предшествовавших написанию записки «Об организации исторических работ в казачьих

войсках», и допущенных тогда ошибок. Даже программу предстоящих исследований, изложенную в этой записке, мы привели не для того, чтобы проследить, насколько соответствовали ей начатые на Дону, Тереке и Кубани исследования, но потому, что, как мы покажем ниже, эта программа была одним из факторов, затормозивших написание официальной истории Донского Войска.

Сразу оговорим, что донские военные власти в ходе исторических работ допустили не меньше ошибок, чем имперские, и даже если бы Н.А. Маслаковец и П.О. Щербов-Нефедович подготовили для них максимально удачное руководство к работе, именно на Дону официальная история местного казачьего войска все равно имела бы все шансы так и остаться ненаписанной. Для начала, К.К. Максимович всеми силами пытался оттянуть начало исполнения полученных распоряжений. 24 марта 1903 г. он отправил в Санкт-Петербург рапорт, в котором фактически предлагал отложить исторические исследования на неопределенный срок. Атаман писал, что все имеющиеся в распоряжении местной администрации научные силы заняты подготовкой исторических очерков, выпуск которых планировалось приурочить к ожидаемому в 1904 г. прибытию на Дон Николая II, и поэтому до завершения этих очерков якобы не могло идти и речи о начале реализации нового масштабного проекта (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 1). Однако на самом деле нежелание атамана начать работу над официальной историей было связано не с объективными, но с субъективными факторами, возможно, с простым незнанием того, на какое лицо можно возложить столь важную и ответственную миссию. Во всяком случае, ответной бумагой от 11 мая 1903 г. П.О. Щербов-Нефедович напоминал К.К. Максимовичу, что, согласно его предыдущим отчетам, исторические очерки к прибытию Николая II на Дон были уже в основном окончены, а сам император принял решение отложить визит в Новочеркасск на 1905 г. Исходя из этого, начальник Главного управления казачьих войск просил, наконец, дать ход делу о составлении официальной истории Донского войска (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 106).

Понуждаемый к действию, К.К. Максимович пошел по достаточно традиционному пути, обратившись за помощью в научном исследовании к местному статистическому комитету. Атаман поручил секретарю этого комитета, И.П. Попову, сообщить свои «краткие соображения по данному вопросу» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 106), и тот в 1903 или 1904 гг. представил атаману небольшой доклад (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 1-206). Большую часть текста этого доклада составляют пересказ событий, описанных нами выше, и объяснение К.К. Максимовичу вещей, достаточно очевидных для профессиональных историков, но далеко не очевидных для военных. В частности, И.П. Попов подчеркивал, что написание официальной истории Донского Войска потребует обширных работ, предполагающих как архивные изыскания, так и изучение специальной литературы, в том числе и иностранной (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 106). Возможно, К.К. Максимович первоначально предлагал вовсе обойтись без работы в архивах, но его своеобразный научный консультант отдельно оговаривал следующее: «Считаю долгом заметить, что без подобных архивных данных некоторые моменты жизни донского казачества не могут быть достаточно выяснены, да и самая история без новых архивных данных не будет носить характера солидного научного труда» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2). Для нас же наиболее интересны три тезиса, которые И.П. Попов обозначил в конце своего текста. Во-первых, он заявил, что написание истории Войска Донского займет не меньше пяти лет, а в том случае, если потребуется собирать дополнительные архивные и опубликованные материалы, то даже больше (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2). Во-вторых, ни разу не упомянув о тех вопросах, которые предлагало для рассмотрения в истории Главное управление казачьих войск, секретарь статистического комитета предложил уделить «значительное место» в исследовании «характеристике бытовых условий данной эпохи Донского Войска, на что в изданных до настоящего времени исторических трудах обращалось очень мало внимания» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2). Наконец, в третьих, он призывал полностью освободить избранного для ведения работ историка от других занятий по службе, дав ему сконцентрироваться на научной работе (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2-206).

И К.К. Максимович, видимо, вполне удовлетворенный данным докладом, 28 июня 1904 г. сообщил П.О. Щербову-Нефедовичу, что избрал И.П. Попова в качестве автора предполагаемой официальной истории Войска Донского. Едва ли этот выбор можно было назвать удачным. Правда, на начало XX в. профессиональных и авторитетных историков, специализирующихся на изучении прошлого донского казачества, не было вовсе. Попытки привлечь российских знаменитостей к исследованию подобной тематики не увенчались успехом: самая известная из них была предпринята в 1877 г. донским краеведом А.А. Карасевым, который пытался договориться с атаманом Н.А. Краснокутским о предоставлении заказа на написание истории Войска Донского Н.А. Костомарову. Однако атаман, сперва благожелательно отнесшийся к данной идее, позже от нее отказался, сообщив А.А. Карасеву, что «Военное министерство, наверное, не согласится тратить войсковые суммы на литературное предприятие». Возможно, сыграла роль сумма, в которую Н.А. Костомаров оценил свой труд: он требовал 5 000 руб. в год на одно собирание материалов, не указывая на начальном этапе переговоров стоимости самой работы (Карасев, 1898: 593-594). Да и в дальнейшем, когда к написанию официальной истории казачества попытаются привлечь В.О. Ключевского, Д.И. Эварницкого и В.И. Потто, переговоры к успеху не приведут (Волвенко, 2006: 118-120). Таким образом, попытка К.К. Максимовича опереться на силы донских историков-

любителей была вполне логична и оправданна. Как мы покажем ниже, в Кубанском войске подобный подход позволил добиться серьезных успехов. Но именно кандидатура И.П. Попова на роль автора официальной истории донского казачества была как минимум не очевидной.

Разумеется, И.П. Попов не имел никакого специального исторического образования (он окончил юридический факультет Харьковского университета (Кириллов, 1907: 2)). Но более важным было то, что на 1904 г. им не было создано ни одного по-настоящему значительного исторического труда. А.А. Кириллов в качестве крупнейших работ своего коллеги сумел назвать только такие тексты, ныне забытые даже профессиональными историками, как «В старом гнезде казачества», «Казнь Грузиновых», «История сооружения Новочеркасского собора». Кстати, все они печатались не в авторитетных столичных изданиях, вроде «Русского Архива» или «Русской Старины», но в газетах и журналах, где сам И.П. Попов был редактором-издателем (Кириллов, 1907: 5). Мы бы не хотели принизить вклад этого достойного человека в становление донской исторической науки, но считаем, что этот вклад был чисто организационным: так, именно он предложил издавать «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета», первый на Дону регулярно выходящий сборник краеведческих статей (Кириллов, 1907: 6). А секретарство И.П. Попова в статистическом комитете было настолько успешным, что после ухода с должности секретаря этого органа в 1897 г. он был возвращен на нее в 1901 г., причем некоторое время ему, в нарушение общепринятых правил, было разрешено одновременно занимать секретарские должности в статистическом комитете и областном по крестьянским делам присутствии (Кириллов, 1907: 3).

К.К. Максимович мог найти куда более авторитетных и оставивших более серьезное научное наследие авторов. Наиболее очевидной была кандидатура Х.И. Попова, основателя Новочеркасского музея. Как раз в интересующий нас период, в 1900-х гг., в Новочеркасске была опубликована книга «Донцы XIX в.», в которой он позиционировался как человек, чьи труды по истории казачества уступали только В.Д. Сухорукову (Донцы, 2003: 407). Авторитетнейшим исследователем был и А.А. Карасев, чьи работы неоднократно публиковались в крупнейших российских исторических журналах (Карасев, 1896; Карасев, 1898; Карасев, 1899; Карасев, 1900). Правда, оба этих краеведа находились в преклонных годах, зато И.П. Попов отличался слабым здоровьем, что не было секретом для его окружения (Кириллов, 1907: 1) (любопытно, что в итоге и Х.И. Попов, и А.А. Карасев пережили своего младшего коллегу). Подводя итог, можно сказать, что в 1904 г. не было никаких предпосылок для того, чтобы избрать именно И.П. Попова автором официальной истории Войска Донского, и, остановившись на его кандидатуре, К.К. Максимович исходил, скорее, из формального признака, из того, что выбранный им исследователь много лет был секретарем, т.е. фактическим главой местного статистического комитета (его номинальным председателем был сам атаман).

И.П. Попов и сам не до конца понимал, как он будет решать возложенную на него задачу. Он рассчитывал воспользоваться чужими наработками и планировал в первую очередь ознакомиться «с теми данными, которые представлены в Главное управление казачьих войск атаманами других казачьих войск» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4). И.П. Попов прямо писал, что таким образом ему удастся выяснить хотя бы «условия, на которых можно начать работу» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4). Однако этому мешали служебные обязанности. К.К. Максимович не торопился полностью освободить от них донского краеведа: правда, 12 июня 1904 г. И.П. Попов был снят с должности секретаря статистического комитета, однако за этим последовало его назначение на должность члена областного присутствия по воинской повинности (Кириллов, 1907: 3). И в итоге даже на двадцатидневную командировку в Санкт-Петербург он должен был испрашивать разрешение у атамана (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4).

Прошение о командировке в Санкт-Петербург И.П. Попов подал 12 ноября 1904 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4), а 26 апреля 1905 г. П.О. Щербову-Нефедовичу была, наконец, передана на утверждение программа для истории Донского Войска (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 649. Л. 215-2150б). Нужно сразу сказать, что далее мы сталкиваемся с историографической загадкой. В архивном деле, посвященном написанию И.П. Поповым официальной истории войска Донского, содержатся целых три схожих программы, однако далеко не факт, что П.О. Щербов-Нефедович оценивал одну из них. Эти программы предназначались для неких «Статистических очерков области войска Донского» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5), и теоретически мы можем предположить, что в деле оказались тексты, связанные с совершенно другим проектом донского исследователя. Более того, один из них подписан «Областного войска Донского Статистического Комитета Членом-Секретарем Ив. Поповым» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 8) и, следовательно, должен быть датирован временем до июня 1904 г. Однако, как мы уже отмечали, интересующее нас архивное дело находится в личном фонде упомянутого выше Х.И. Попова, бывшего к тому же родственником И.П. Попова. Мог ли он допустить настолько грубую ошибку и включить в него совершенно посторонние документы?

Нам кажется, что все-таки нет, и та программа, которая была передана на утверждение П.О. Щербову-Нефедовичу, имела сходство с проектами программы так и не написанных «Статистических очерков области Войска Донского». Для окончательного ответа на этот вопрос нужны дополнительные изыскания, на сей раз в Российском государственном военно-историческом архиве, где мог сохраниться отправленный И.П. Поповым в Санкт-Петербург текст. В любом случае, обнаруженные нами программы представляют собой памятник донской историографии 1900-х гг., и

мы позволим себе привести те разделы, из которых состояла первая из них (остальные отличаются от нее, но не слишком значительно): 1) Народонаселение, 2) Народное здравие, 3) Народное образование, 4) Преступления, 5) Земля, 6) Реки, 7) Климат, 8) Пути сообщения, 9) Леса, 10) Земледелие, 11) Огородничество, 12) Виноградарство и виноделие, 13) Садоводство, 14) Табаководство, 15) Скотоводство, 16) Коневодство, 17) Рыболовство, 18) Пчеловодство, 19) Горный промысел, 20) Заводская промышленность, 21) Кустарное производство, 22) Ремесла, 23) Судходство, 24) Торговля, 25) Войсковые капиталы, 26) Общественные, городские и другие капиталы (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5-60б). Эта программа любопытна еще и тем, что напротив многих из этих разделов на полях стояли фамилии членов донского статистического комитета, на которых, по-видимому, предполагалось возложить их написание. 1 и 16 разделы предназначались для самого И.П. Попова, 5 и 6 для Н.П. Решетовского, 11–14 для Ф.К. Траилина, 15 – для П.И. Сербинова, 25 – для П.А. Павлова, а 26 – для Х.И. Попова. 7, 8 и 10 должен был написать просто «Попов», и не ясно, шла речь о И.П. Попове или Х.И. Попове (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5-60б). К сожалению, фамилии в тексте документа написаны крайне неразборчиво, и в остальных случаях мы не смогли соотнести помету на полях с конкретным членом донского статистического комитета. Возможно, планировалось привлечь к написанию очерков и посторонних лиц. Как бы там ни было, замысел этих очерков совершенно не соответствовал даже той «не стесняющей производителя трудов» программе, которая была предложена Н.А. Маслаковцем в «Докладе военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России», а затем повторена П.О. Щербовым-Нефедовичем в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках». Из четырех предложенных в данных текстах обязательных вопросов программа И.П. Попова раскрывала только один, о казачестве как о вооруженной силе, причем ему даже не посвящалось отдельного раздела (краткая характеристика казачьей системы службы должна была войти в раздел о народонаселении) (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5). Казачество же как колонизатор, как «охранитель государственных границ» и как «охранитель веры православной» вовсе остались за пределами найденных нами в архивном деле программ. И мы можем констатировать, что даже если П.О. Щербов-Нефедовичу на утверждение был отправлен какой-то неизвестный нам текст, он не сильно отличался от рассмотренных выше в лучшую сторону: Военное министерство только «условно утвердило» его, фактически вернув обратно на Дон для доработки и особо подчеркнув его неполноту (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 3-30б).

И.П. Попов скончался в феврале 1906 г. (Кириллов, 1907: 1), официально – в разгар сбора материалов для официальной истории Войска Донского и в процессе переработки программы для предполагаемого исследования. А.А. Кириллов в своей биографии донского краеведа выражал сожаление, что последний так и не успел написать своего «действительно серьезного и капитальнейшего труда» (Кириллов, 1907: 6). Однако, судя по всему, И.П. Попов застрял на самой ранней стадии работ. Текст А.А. Кириллова, написанный вскоре после смерти секретаря статистического комитета, не мог не носить несколько панегирического характера из уважения к покойному. А в служебных документах коллеги И.П. Попова выражались куда более жестко. В частности, в докладе членов статистического комитета о процессе составления официальной истории донского казачества в 1908 г. было написано предельно четко: «у нас ровно еще ничего не сделано по этому предмету» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 30б). В другом документе, датированном 1910 г., прямо значилось, что «И.П. Попов, не успев приступить к исполнению возложенного на него поручения, в 1906 г. умер, и дело осталось без всякой подготовки к предстоящему труду (курсив наш – А.П.)» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 649. Л. 215-2150б). Не имеющих ни соответствующего образования, ни опыта написания исторических исследований, краевед решил начать работу с задачи, очевидно выходящей за пределы возможностей одного человека: он попытался составить всеобъемлющий указатель текстов по истории донского казачества, включающий в себя не только книги и статьи, но и «журнальные заметки» и «газетные сообщения» (зато, очевидно, не учитывающий архивные источники) (Кириллов, 1907: 6). Так, в первый раз с донскими историками сыграло злую шутку отсутствие в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» четких указаний о том, как следует вести подготовительные работы. И.П. Попов попытался взяться за дело с дилетантским размахом и в итоге потерял время без какого-либо результата: за два года он так и не успел ни написать удовлетворительной программы для истории донского казачества, ни, тем более, составить всеобъемлющего указателя всех имеющихся опубликованных материалов для нее. Но, на наш взгляд, большую часть вины за это несет даже не он лично, а К.К. Максимович, не только затянувший с началом работ и избравший для их проведения крайне неподходящее лицо, но и даже не потрудившийся создать соответствующие условия для этого лица: как И.П. Попов мог заниматься совершенно необходимым для его исследования архивным поиском в столичных архивах, если по долгу службу он должен был находиться в Новочеркасске, и просить разрешения на каждую командировку у атамана? При этом сам донской краевед, как явственно следует из его разобранного выше доклада, вполне понимал и важность архивных работ, и важность свободы от служебной деятельности для историка казачьего войска.

И.П. Попов умер, если можно так выразиться, в очень неудачное время. Россию разрывала революция, и едва ли для Военного министерства написание официальной истории казачества

оставалось приоритетной задачей. С другой стороны, в 1905 г. К.К. Максимович, которому в прежние, более спокойные годы неоднократно указывали на важность организации исторических работ, убыл с Дона, и его преемником был назначен Н.Н. Одоевский-Маслов (Петровский, 1916: 26). Новый атаман тоже не проявлял личной заинтересованности в исторических исследованиях, и, судя по документам, на какое-то время ведение работ по правительственному проекту оказалось полностью в руках донского статистического комитета, в дела которого больше не вмешивались ни атаман, ни Главное управление казачьих войск. Именно общее собрание комитета 24 марта 1907 г. решило фактически начать работы заново, причем отбросив те организационные принципы, на которых настаивали Н.А. Маслаковец и П.О. Щербов-Нефедович. Вместо избрания одного лица автором официальной истории донского казачества была создана специальная комиссия, которая должна была переработать составленную И.П. Поповым программу и подготовить план дальнейших работ (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 30б). Очевидно, исходя из неудачного опыта, планировалось, что еще неизвестный автор официальной истории донского казачества станет исполнителем четко прописанной программы, а не лицом, «не стесненным» подобной программой.

Доклад комиссии был подготовлен только к заседанию статистического комитета 19 января 1908 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 30б), на котором в очередной раз камнем преткновения стала непрописанность в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» принципов подготовительной работы по сбору исторических материалов. Члены комиссии, разумеется, не знали, что в Военном министерстве хотели свести эту подготовительную работу к минимуму, зато им было прекрасно известно, что И.П. Попов не смог начать своего исследования именно из-за неразработанности печатных и архивных источников. И поэтому они пришли к выводу, что «составлению истории должно предшествовать собиране требуемых для этого материалов» и «определили на такой труд не менее пяти лет, так как для того, чтобы привести в известность и систему весь материал, не только имеющийся уже в печати, но еще в большей части и не изданный, придется работать, кроме местных, во всех столичных и многих губернских архивах и библиотеках» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Вот только общее собрание статистического комитета не одобрило подобной идеи, настаивая на том, чтобы, как и предполагалось в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках», для написания истории донского казачества было немедленно избрано одно лицо (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Именно на заседании в январе 1908 г. были предложены кандидатуры трех подходящих для этого, по мнению членов комитета, историков: В.О. Ключевского, Д.И. Эварницкого и В.И. Потто (Волвенко, 2006: 118-120; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Нам представляется, что решение привлечь к руководству исследованиями профессиональных ученых не казачьего происхождения было вынужденным, иначе статистический комитет не стал бы пытаться создавать специальной комиссии и начал поиск подходящего автора сразу после смерти И.П. Попова. Перемену в настроениях комитета мы связываем с крайним неудовлетворением всем предыдущим ходом работ: как было сказано в одном из докладов статистического комитета в 1908 г., создание официальной истории «не допускало отлагательства» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 3), а между тем за целых шесть лет, прошедших с момента получения приказа о ее создании, почти ничего не было сделано. И в этих условиях приглашение, даже за большие деньги, авторитетного историка, который взял бы дело в свои руки, могло показаться лучшим выходом, чем отсрочка начала собственно исторического исследования еще на пять лет подготовительных работ. Нетрудно подсчитать, что, если бы предложение комиссии было принято, к шести годам задержки добавилось бы еще пять и приступить к написанию официальной истории донского казачества удалось бы не раньше 1913 г.

Однако уже через несколько месяцев многие члены статистического комитета начали раскаиваться в принятом решении. 24 и 26 мая 1908 г. они представили на рассмотрение общего собрания комитета свои доклады, первый из которых был не подписан, а второй принадлежал И.М. Сулину и авторитетнейшему исследователю экономики Дона И.В. Тимощенкову (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 1-40б) (о значении последнего говорит уже то, что в 2016 г. вышла посвященная ему и его коллеге Ф.К. Трайлину монография известного ростовского ученого Н.А. Мининкова (Мининков, 2016)). За прошедшие с января 1908 г. четыре месяца ни один историк не дал согласия взять на себя составление официальной истории Войска Донского. И раздраженные этим донские краеведы писали: «Таким образом, комитету предстоит вновь озабочиваться отысканием подходящего лица, а дорогое время все будет идти и идти» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Поэтому И.В. Тимощенков, И.М. Сулин и их сторонники просили заново рассмотреть доклад от 19 января 1908 г., и попытаться найти компромиссный вариант. По их мнению, этот вариант мог выглядеть следующим образом: статистический комитет продолжил бы поиск профессионального историка для написания официальной истории казачества, но при этом были бы, наконец, начаты хотя бы подготовительные работы по систематизации материалов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). И.В. Тимощенков шел еще дальше, утверждая дословно следующее: «Составителю истории, конечно, удобнее направлять это дело (поиск печатных и архивных материалов – А.П.) по его усмотрению. Но для большего успеха, полноты и ускорения собиранья материала, казалось бы, и особая комиссия не помешала бы составителю истории в его трудах, а, напротив, пользуясь при работе своей его указаниями, она

помогла бы историку и полнее совершить свой труд, и скорее его окончить» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 106).

Мы бы хотели обратить внимание на еще один важный момент. Именно сторонники И.В. Тимощенко и И.М. Сулина приводили в качестве примера войск, где исторические работы были организованы наилучшим образом, войска Кубанское и Терское. Они отмечали, что там к 1908 г. работы уже шли полным ходом (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 306). Неужели в этих войсках не столкнулись с теми же проблемами, что и на Дону? Или их удалось как-то быстро решить?

Обратившись к опыту этих войск, мы увидели, что в каждом из них был избран особый путь написания официальной истории казачества. В Терском войске сразу была сделана ставка на поиск историка-профессионала. Атаман С.Е. Толстов, получив записку «Об организации исторических работ в казачьих войсках», незамедлительно обратился к упомянутому выше В.А. Потто с просьбой приступить к составлению истории терского казачества. Уже в 1903 г. В.А. Потто ответил согласием, после чего... немедленно столкнулся с теми же проблемами, что и И.П. Попов на Дону (Потто, 1912). Никто прежде не пытался систематизировать материалы по истории Терского войска, и даже в предисловии к «Двум векам терского казачества» данный фактор был назван «трудноодолимым препятствием». Опытный историк В.А. Потто, в отличие от любителя И.П. Попова, сумел его преодолеть, однако на это у него ушло около семи лет, и только в 1910 г. он приступил к написанию собственно книги (Потто, 1912).

В Кубанском войске события развивались совершенно иначе. Прежде всего идея написания его истории возникла у местного атамана Я.Д. Маламы еще в 1901 г., причем изначально он тоже пытался привлечь к работам историка-профессионала, Д.И. Эварницкого, который, впрочем, отказался (Щербина, 1910: I). В итоге уже 10 января 1903 г., т.е. тоже почти сразу после получения кубанским атаманом записки «Об организации исторических работ в казачьих войсках» проведение исторических исследований на основании «указаний военного министра» было поручено местному историку Ф.А. Щербине (Щербина, 1910: I). Однако Ф.А. Щербина, в отличие от И.П. Попова, имел и опыт написания серьезных исторических сочинений, и опыт поиска в архивах и дальнейшей систематизации необходимых для подобных сочинений материалов (Щербина, 1910: II). Тем не менее и для него процесс подготовительных работ оказался очень сложным, поскольку он недооценил объем архивных текстов, которые необходимо было систематизировать. Однако, в отличие от В.А. Потто, Ф.А. Щербина работал не один: он откровенно заявил, что сбор архивных материалов по истории целого казачьего войска «невозможен для единичных лиц и частных начинаний», и сумел добиться предоставления ему ассигнований на содержание целой группы помощников (Щербина, 1910: II). Таким образом, идея И.В. Тимощенко и И.М. Сулина о особой комиссии, помогающей автору истории казачьего войска, была фактически реализована на Кубани, и только с ее помощью Ф.А. Щербина сумел достигнуть успеха в своем труде. Тем не менее и он смог приступить непосредственно к работам над книгой только в 1907 г., когда был завершен сбор архивных материалов (Чумаченко, 2004: 224-251).

Почему же мы считаем, что правительственный проект потерпел неудачу и в Терском, и Кубанском казачьих войсках, если в них работы развивались так успешно? Дело в том, что книги В.А. Потто и Ф.А. Щерины вошли в историографию как совершенно независимые тексты, а не части официальной истории казачества. Очень важно то, что это произошло не случайно: их предисловия, на которые мы ссылаемся, были порождены внешними обстоятельствами (В.А. Потто умер по ходу работ, из-за чего возникла необходимость объяснения незавершенности его сочинения (Потто, 1912), а Ф.А. Щербина оправдывался за промедление с изданием своей книги (Щербина, 1910: V), а больше никак принадлежность этих исследований к правительственному проекту в их текстах не была отражена¹. Если учесть еще и то, что исследование В.А. Потто было доведено только до 1801 г., а Ф.А. Щерины до 1860 г., что прямо противоречило первоначальным планам как самих исследователей (Потто, 1912; Чумаченко, 2004: 224-251), так и Военного министерства (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1), то можно констатировать: и в Кубанском, и в Терском войсках фактически были созданы не части официальной истории казачества, но независимые авторские

¹ Подробный разбор книг В.А. Потто и Ф.А. Щерины выходит за пределы нашего исследования. Поэтому отметим только, что во введениях этих книг, в отличие от предисловий, непосредственно связанных с текстом, правительственный проект никак не упоминался. Книги были написаны по совершенно разному плану: в работе Ф.А. Щерины есть обширный раздел о географии Кубанского края (Щербина, 1910: 1-124), а в тексте В.А. Потто подобный раздел отсутствует и поднимаются только исторические вопросы. Если В.А. Потто фактически начал свое исследование с XVI в., очень кратко охарактеризовав до этого связи русских с Кавказом в предыдущие столетия (Потто, 1912: 1-4), то Ф.А. Щербина подробно и развернуто писал даже о «мифологических временах» Прометея и амазонок (Щербина, 1910: 125-165). Наконец, эти две книги совершенно различаются по объему: оба тома В.А. Потто не составляют и половины одного тома педантичного исследования Ф.А. Щерины. Поэтому в работах современных авторов, специально посвященных этим произведениям, вообще не указывается, что они представляли собой официальные истории казачьих войск и должны были образовать единую серию (Синицина, 2014; Чумаченко, 2004)

исследования его прошлого. И это еще раз подтверждает нашу мысль о том, что при условии отсутствия четкой программы и контроля над исполнителями работ со стороны Главного управления казачьих войск такой неудачный для Военного министерства результат реализации его проекта был неизбежен даже при удачном стечении обстоятельств на местах.

Однако нельзя не согласиться с членами донского статистического комитета: Кубанское и Терское войска куда лучше воспользовались представившейся им возможностью, сумев эффективно потратить ресурсы, выделенные правительством на написание официальной истории казачества. Хотя в каждом из этих войск был избран свой путь исполнения правительственного проекта, их опыт объединяло одно: и там, и там уже в 1903 г. был найден историк, обладающий большим опытом как архивной, так и самостоятельной исследовательской работы. В то же время этот опыт еще больше подчеркивает, насколько ограниченным был выбор кандидатов: как мы видим, и В.А. Потто, и Д.И. Эварницкого попытались привлечь к исследованию нескольких казачьих войск. При этом прямого отношения прежние работы этих авторов не имели ни к Донскому, ни к Кубанскому, ни к Терскому войску: В.А. Потто был историком Кавказской войны и, разумеется, описывал участие в ней казачьих частей (Захаревич, 2005: 81-83), а Д.И. Эварницкий в 1890-х гг. выпустил трехтомник по истории запорожских казаков (Эварницкий, 1892; Эварницкий, 1895; Эварницкий, 1897). Таким образом, в 1900-х гг. не только в Донском войске, но и во всех казачьих войсках не было авторитетных и профессиональных историков, специализирующихся на изучении их прошлого. И донской статистический комитет, только в 1908 г. озаботившийся поиском автора для своей официальной истории не из среды местных краеведов, имел минимум шансов найти его в профессиональной среде.

С другой стороны, и предложение И.В. Тимощенкова, И.М. Сулина и их сторонников к 1908 г. сильно запоздало. Фактически уже было потеряно шесть лет, за которые можно было бы завершить как минимум значительную часть подготовительных работ к исследованию. Как мы видим, у В.А. Потто они заняли около семи лет, а у Ф.А. Щербины – около четырех, так что комиссия из членов донского статистического комитета вряд ли сильно ошибалась, отводя на такие работы пять лет. Однако в 1912 г. проект написания официальной истории казачьих войск будет свернут, как требующий слишком больших финансовых затрат (Волвенко, 2006: 124) (не был выпущен даже запланированный третий том исследования Ф.А. Щербины, который должен был описывать события после 1860 г. (Чумаченко, 2004: 224-251)). И.В. Тимощенков и И.М. Сулин, конечно, не могли этого знать, но, очевидно, предполагали нечто подобное, призывая максимально ускорить работы. И в итоге им пошли навстречу: пока статистический комитет продолжал поиск профессионального историка, Х.И. Попов получил задание начать сбор материалов для официальной истории казачества (Волвенко, 2006: 119). И, таким образом, на Дону были, наконец, начаты подготовительные работы к написанию официальной истории казачества.

4. Заключение

Как видно из всего вышеизложенного, в Донском, Кубанском и Терском войсках в начале работ по написанию официальной истории казачества столкнулись со схожими проблемами, порожденными организационными ошибками Военного министерства. Начальник Главного управления казачьих войск П.О. Щербов-Нефедович в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» ни словом не упомянул об отказе Военного министерства от проведения масштабных подготовительных работ по поиску и систематизации исторических источников. В то же время он не только не запретил подобные работы, как предлагал разработавший программу официальной истории казачества Н.А. Маслаковец, но и прямо написал об их необходимости, с той, однако, оговоркой, что они должны были идти параллельно с составлением программы для истории каждого казачьего войска, а затем и с самим написанием этой истории. К сожалению, данное решение оказалось крайне неудачным: и на Дону, и на Кубани, и на Тереке все равно были вынуждены начать с работ по собиранию и систематизации документов, но эти работы оказались никак не регламентированы и не ограничены в сроках. Собственно же, к написанию исторических исследований смогли приступить только по завершении этих работ.

Другой проблемой стал поиск авторов для предполагаемых книг, который приходилось осуществлять в условиях, когда в России фактически не было профессиональных историков-казаковедов (возможно, за исключением Д.И. Эварницкого, если считать его русским, а не украинским казаковедом). Только в Терском войске удалось найти профессионального историка, взявшегося за разработку новой для него чисто казачьей тематики. В Кубанском войске работы были возложены на историка-любителя, тем не менее уже имеющего опыт проведения серьезных исторических исследований. Выбор этот оказался удачным, однако, на наш взгляд, тут не обошлось и без определенного везения, о чем пишет и В.А. Чумаченко (как раз в 1903 г. Ф.А. Щербина был выслан из Воронежа на Кубань под гласным полицейским надзором (Чумаченко, 2004: 224-251)). А на Дону в качестве автора официальной истории казачества был избран секретарь местного статистического комитета И.П. Попов, прежде не занимавшийся ни серьезной архивной работой, ни написанием крупных исторических сочинений. Во многом это было связано с тем, что донской атаман К.К. Максимович отнесся к правительственному проекту безо всякого энтузиазма: если на Кубани и на Тереке авторы для истории местных казачьих войск были найдены еще в 1903 г., то в

Донском войске дело затянулось до 1904 г. и затянулось бы еще больше, если бы не прямые обращения П.О. Щербова-Нефедовича с требованиями ускорить ход работ.

Именно из-за неудачного выбора автора для исторического исследования работы над историей Донского казачьего войска быстро приобрели свою специфику, не характерную для исследований истории Кубанского и Терского войск. Эта специфика заключалась в непоследовательности и случайности предпринимаемых действий, а также в общей неэффективности хода работ. Для И.П. Попова оказалось непосильной задачей даже составление программы предполагаемой книги, при том, что Военное министерство старалось «не стеснять» исследователей в казачьих войсках жесткими требованиями к такой программе. Тот ее вариант, который был создан к 1905 г., был «условно утвержден», т.е. фактически возвращен на Дон для доработки. Возможно, донской краевед пытался использовать для правительственного проекта программу задуманных им ранее «Статистических очерков области войска Донского», носящих, в соответствии с названием, статистический, а не исторический характер. С другой стороны, И.П. Попов не сумел нормально организовать и подготовительной работы к написанию своего труда, пытаясь собирать и систематизировать даже газетные заметки по истории донского казачества, но не приступая к архивному поиску. И в итоге, когда И.П. Попов скончался в 1906 г., его немногочисленные наработки оказались абсолютно бесполезными.

Назначенный в 1905 г. новым донским атаманом Н.Н. Одоевский-Маслов тоже оказался равнодушен к написанию официальной истории казачества, и в итоге с 1906 г. руководство ходом работ начал осуществлять местный статистический комитет. Остаток 1906 и 1907 гг. ушел на создание специальной комиссии из членов этого комитета и подготовку ими доклада о плане дальнейших работ. Однако идеи, легшие в основу этого доклада, противоречили указаниям Военного министерства и тоже оказались невостребованными, поскольку предполагали, что написание официальной истории донского казачества начнется с пяти лет подготовительных работ по сбору исторических источников. Подобный вариант категорически не устроил даже общее собрание комитета, считавшее недопустимым такое затягивание работ, и поэтому, с опозданием на шесть лет было предложено обратиться к профессиональным историкам. Однако, как мы показали выше, число ученых, чьи работы имели хотя бы косвенное отношение к истории донского казачества, было крайне невелико, причем Д.И. Эварницкий уже отказался от участия в правительственном проекте, а В.А. Потто был занят написанием истории другого казачьего войска. И в этих условиях, по настоянию авторитетного донского экономиста И.В. Тимощенко и И.М. Сулина, комитет пошел на отчаянные меры: он решил начать архивную работу параллельно с поиском подходящего автора для истории донского казачества. Таким образом, только в 1908 г., с опозданием на шесть лет, на Дону были начаты какие-то реальные работы по реализации правительственного проекта, а весь предшествующий период был потрачен впустую: в 1902–1904 гг. К.К. Максимович затягивал начало исследований, 1904–1906 гг. заняла деятельность И.П. Попова, оказавшаяся абсолютно бесполезной из-за его неподготовленности к решению задач такого масштаба, а в 1906–1908 гг. проблемы, связанные с написанием истории донского казачества, изучала комиссия статистического комитета, чьи предложения затем были отвергнуты общим собранием того же комитета.

Литература

- Волвенко, 2006** – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115–125.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Захаревич, 2005** – Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.
- Карасев, 1896** – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569–591.
- Карасев, 1898** – Карасев А.А. История донской истории // Русский Архив. 1898. Кн. 12. С. 593–599.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Карасев, 1900** – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167–174.
- Кириллов, 1907** – Кириллов А.А. Памяти Ивана Петровича Попова // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Вып. 7. Новочеркасск, 1907. С. 1–7.
- Мининков, 2016** – Мининков, Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенко и Федор Калинин Траилин. Ростов-на-Дону, 2016. 164 с.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Петровский, 1916** – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью Войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.

- Потто, 1912** – *Potto V.A.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. I. Владикавказ, 1912. 130 с.
- Синицина, 2014** – *Синицина Е.В.* В.А. Потто как исследователь терского казачества // *SCI-ARTICLE.RU*. 2014. № 8. С. 44–47.
- Чумакова, 2014** – *Чумакова З.А.* Новые факты о составлении «Истории донского казачьего войска за 1812–1815 гг.» // *Донской временник*. Вып. 23. Ростов-на-Дону, 2014. С. 213–215.
- Чумаченко, 2004** – *Чумаченко В.К.* «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины: от замысла к воплощению. Книговедческий аспект // *Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность*. Краснодар, 2004. С. 224–251.
- Щербина, 1910** – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910. 734 с.
- Эварницкий, 1892** – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. I. СПб, 1892. 636 с.
- Эварницкий, 1895** – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. II. СПб, 1895. 629 с.
- Эварницкий, 1897** – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. III. СПб, 1897. 654 с.

References

- Chumachenko, 2004** – *Chumachenko V.K.* (2004). «Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska» F.A. Shcherbiny: ot zamysla k voploshcheniyu. Knigovedcheskii aspect [«History of the Kuban Cossack Host» by F. A. Shcherbina: from conception to realization. Bibliological aspect]. *Nauchno-tvorcheskoe nasledie Fedora Andreevicha Shcherbiny i sovremennost'*. Krasnodar. pp. 224-251. [in Russian]
- Chumakova, 2014** – *Chumakova Z.A.* (2014). Novye fakty o sostavlenii «Istorii donskogo kazach'ego voiska za 1812-1815 gg.» [New facts about writing the «History of the Don Cossack Host at 1812-1815»]. *Don vremennik*. Vol. 23. Rostov-na-Donu. pp. 213-215. [in Russian]
- Evarnitskii, 1892** – *Evarnitskii D.I.* Istoriya zaporozhskikh kazakov [History of Zaporozhye Cossacks]. Vol. I. SPb, 1892. P. 636 [in Russian].
- Evarnitskii, 1895** – *Evarnitskii D.I.* (1895). Istoriya zaporozhskikh kazakov [History of Zaporozhye Cossacks]. Vol. II. SPb. P. 629. [in Russian]
- Evarnitskii, 1897** – *Evarnitskii D.I.* (1897). Istoriya zaporozhskikh kazakov [History of Zaporozhye Cossacks]. Vol. III. SPb. P. 654. [in Russian]
- GARO** – State archive of the Rostov region.
- Karasev, 1896** – *Karasev A.A.* (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591. [in Russian]
- Karasev, 1898** – *Karasev A.A.* (1898). Istoriya donskoi istorii [History of Don History]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 593-599. [in Russian]
- Karasev, 1899** – *Karasev A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. Vol. 5. pp. 106-116. [in Russian]
- Karasev, 1900** – *Karasev A.A.* (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Istoricheskii vestnik*. №. 80. pp. 167-174. [in Russian]
- Kirillov, 1907** – *Kirillov A.A.* (1907). Pamyati Ivana Petrovicha Popova [In memory of Ivan Petrovich Popov]. *Sbornik Oblastnogo Voiska Donskogo Statisticheskogo Komiteta*. Vol. 7. Novocheerkassk. pp. 1-7. [in Russian]
- Mininkov, 2016** – *Mininkov N.A.* (2016). Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin [Researchers of Don region Ivan Vasilievich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. *Rostov-na-Donu*. P. 164. [in Russian]
- OR RNB** – Department of manuscripts of Russian national library.
- Petrovskij, 1916** – *Petrovskij A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novocheerkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738-1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocheerkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novocheerkassk. P. 40. [in Russian]
- Potto, 1912** – *Potto V.A.* (1912). Dva veka Terskogo kazachestva (1577-1801) [Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801)]. Vol. I. Vladikavkaz. P. 130. [in Russian]
- Shcherbina, 1910** – *Shcherbina F.A.* (1910). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack Host]. Vol. I. Ekaterinodar. P. 734 [in Russian]
- Sinitsina, 2014** – *Sinitsina E.V.* (2014). V.A. Potto kak issledovatel' terskogo kazachestva [V.A. Potto as a researcher of the Terek Cossacks]. *SCI-ARTICLE.RU*. № 8. pp. 44-47. [in Russian]
- Volvenko, 2006** – *Volvenko A.A.* (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902-1912 gg.) [As for the Don Cossacks, history was written ... Official order, historian and local administration (1902-1912)]. *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*. SPb. pp. 115-125. [in Russian]
- Zakharevich, 2005** – *Zakharevich A.V.* (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny [Don Cossacks in battles with

mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-na-Donu. P. 220. [in Russian]

«У нас ровно еще ничего не сделано»: первый этап работ над официальной историей донского казачества (1902–1908 гг.)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Международнyй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^b Волгоградский государственнyй университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реализации общероссийского проекта официальной истории казачества на Дону в 1902–1908 гг. Автор показывает, что этот проект, считающийся неудачным и почти забытым, на самом деле позволил создать книги, ставшие региональной научной классикой. Однако на Дону этого не произошло. Главным препятствием для исследования стала необходимость подготовительных работ по сбору исторических источников, которая предполагалась запиской «Об организации исторических работ в казачьих войсках», но не была в ней четко регламентирована. В итоге и И.П. Попов, которому было первоначально поручено составление донской истории, и комиссия из членов донского статистического комитета, которая пыталась составить план работ в дальнейшем, так и не сумели эффективно организовать сбор и систематизацию документов. И в 1908 г. общее собрание комитета приняло решение привлечь для работ профессиональных историков, ссылаясь на то, что за шесть лет фактически не было сделано ничего. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все недостатки правительственного проекта, он создавал определенные предпосылки для написания первой полноценной истории Войска Донского, однако эти предпосылки были упущены из-за ошибок местной администрации и тех историков-любителей, которые привлекались ею для работы.

Ключевые слова: проблемы историографии начала XX в., Донское Войско, официальная история казачества, П.О. Щербов-Нефедович, К.К. Максимович, И.П. Попов.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)